

БЫЛА ЛИ БЕЛОРУССИЯ ПРИ ЦАРИЗМЕ КОЛОНИЕЙ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ СМЫСЛЕ?

В. В. ТИМОШЕНКО

На разработку вопросов развития экономики дореволюционной Белоруссии в свое время решающее влияние оказали взгляды историков и экономистов, занимавшихся проблемами общероссийской экономики, и прежде всего работы Н. Ванага, С. Ронина, Л. Крицмана и др.¹

Белорусские историки безоговорочно восприняли тезис о полукOLONиальном положении России и, логически развивая его, пришли к выводу о том, что Белоруссия в свою очередь была колонией. В дальнейшем часть авторов продолжала утверждать, что Белоруссия была колонией или полукOLONией самой России, а другая часть стала считать Белоруссию колонией непосредственно иностранного империализма. Положение о колониальной зависимости Белоруссии прочно вошло в литературу республики и продолжает бытовать до сих пор.

Первое крупное монографическое исследование о развитии капитализма в Белоруссии вышло в 1926 г. Это была книга М. Довнар-Запольского «Народное хозяйство Белоруссии в 1861—1914 гг.». Работа содержит ценный фактический материал. Однако автор ее, разделяя взгляд на Россию как «единую и неделимую», уклонился от прямого ответа на вопрос о том, чем была Белоруссия по отношению к России.

В 1934 г. появилась работа Д. А. Дудкова «О развитии капитализма в Белоруссии во второй половине XIX—начале XX столетия» (на белорус. яз.). Этот автор уже писал: «От таких колоний, как Кавказ и Украина, которые были местами вложения русского капитала, Белоруссию отличало то, что она имела для русского капитала значение рынка сбыта»².

С тезисом о полукOLONиальном положении Белоруссии связано и утверждение об особой экономической политике царского правительства по отношению к этому району.

Еще в начале 20-х годов в журналах «Народное хозяйство Белоруссии» и «Савецкае будаўніцтва» делались попытки объяснить относительно экономическую отсталость Белоруссии. А. Л. Бурбис предполагал, что «развитию промышленности сильно мешала политика царского правительства, которое разными способами способствовало развитию промышленности центральной и восточной России за счет так называемых окраин»³. В 30-е годы речь идет уже о целенаправленном торможении развития экономики Белоруссии царским правительством. В вышедшей в 1937 г. книге М. Г. Матусевича и С. Н. Малинина «Ас-

¹ См. Н. Ванаг. Финансовый капитал в России накануне мировой войны. Опыт историко-экономического исследования системы финансового капитала России, М., 1925; С. Ронин. Иностранный капитал и русские банки. К вопросу о финансовом капитале России, М., 1926, Предисловие Л. Крицмана.

² Д. А. Дудков. О развитии капитализма..., стр. 120.

³ А. Л. Бурбис. Краткий очерк по экономической географии Белоруссии. «Народное хозяйство Белоруссии», 1922, № 4, стр. 9.

ноуныя этапы развіцця прамысловасці БССР» первый раздел озаглавлен «Колониальный характер дореволюционной промышленности Белоруссии». Автор раздела М. Г. Матусевич пишет: «В отличие от некоторых других колоний Российской империи, которые оставались на уровне средневековья (Дагестан, Туркестан и другие), дореволюционная Белоруссия прошла в той или иной степени путь капиталистического развития. Несмотря на это, экономика ее носила ярко выраженный колониальный характер (подчеркнуто мной.— В. Т.). Царское правительство и буржуазия всей своей империалистической политикой всячески мешали созданию крупной промышленности»⁴.

Вся последующая белорусская литература, за исключением второго издания «Истории БССР» (Минск, 1962) и «Очерков истории КПБ» (Минск, 1961), которые не выразили своего мнения по этому вопросу, утверждала эти же положения⁵. В том же плане высказывался и И. И. Саладков в работе, которая вышла через 20 лет после книги М. Г. Матусевича и С. Н. Малинина. «Реакционная национальная политика царизма,— пишет этот автор,— всячески задерживала развитие производительных сил Белоруссии, обрекая ее на отсталость, и держала на положении придатка развитых в промышленном отношении центральных районов России»⁶.

Однако подобные категорические утверждения о колониальном характере экономики досоветской Белоруссии и особой экономической политике царского правительства в отношении ее хозяйства не имели сколько-нибудь серьезного фактического подтверждения. В названной книге Д. А. Дудкова мы находим только один пример, и тот без ссылки на источник: одному белорусскому промышленнику в ответ на его просьбу об открытии предприятия царские чиновники писали: «Развитие промышленности и создание промышленных предприятий в Западном крае, неспокойном, близком к западной границе,— нежелательно»⁷. Но, сообщив этот факт, Д. А. Дудков не раскрыл конкретных причин отказа. Приведенный им пример перекочивал и в другие книги, а этот отказ, последовавший в 1907 г., объяснялся тем, что район Гродно был районом пограничной крепости, что проситель был поляк, а полякам, как известно, запрещалось приобретать недвижимость в районе Северо-Западного края, наконец, тем, что к 1910 г. готовилась передислокация войск в этом районе. Следовательно, если правительство и отказывало в определенный момент некоторым промышленникам в открытии предприятий, то руководствовалось при этом вовсе не целями искусственного задержания экономического развития Белоруссии, а совершенно другими соображениями.

В подтверждение тезиса о колониальном характере экономики дореволюционной Белоруссии приводились и другие доказательства. В частности, делались попытки подкрепить его ссылками на характер вывоза из Белоруссии⁸. Утверждали при этом, что вывозилось главным образом сырье, а не обработанные материалы. Например, преобладал вывоз необработанного дерева (в 1912 г. на Германию приходилось 34% всего лесного экспорта по количеству и 28% по стоимости)⁹. Однако

⁴ М. Г. Матусевич, С. Н. Малинин. Указ. соч., Минск, стр. 12.

⁵ В «Географии Белорусской ССР», вышедшей в 1952 г., говорится: «Такое одностороннее развитие экономики Белоруссии (развитие только отраслей легкой промышленности.— В. Т.) в значительной степени было обусловлено реакционной политикой царизма, искусственно задерживавшего развитие крупной промышленности на окраинах России» (стр. 111).

⁶ И. И. Саладков. Социально-экономическое положение Белоруссии до Великой Октябрьской социалистической революции, Минск, 1957, стр. 3.

⁷ Д. А. Дудков. Указ. соч., стр. 120.

⁸ С. Н. Малинин. Указ. соч., стр. 20.

⁹ «К вопросу о современном положении русской экспортной лесной торговли». СПб., 1913, стр. 27.

такое положение не было чисто белорусским явлением. В Германию из России вообще вывозилось в среднем 70% леса в необработанном виде. Во время русско-японской войны Германия, использовав тяжелое положение России, добилась заключения в 1904 г. выгодного торгового договора, в котором, в частности, было оговорено, что сырой лес, ввозимый в Германию, облагается значительно меньшими пошлинами, чем обработанная древесина.

Некоторые белорусские экономисты доказывают полуколониальное положение Белоруссии ссылкой на ее чрезмерную экономическую от-

ТАБЛИЦА 1

*Учетно-ссудные операции банков Белоруссии в сопоставлении с теми же операциями во всей России (без Петербурга и Москвы)**

На 1 января	1900 г.		1908 г.		1914 г.	
	Россия	Белоруссия	Россия	Белоруссия	Россия	Белоруссия
Все операции в млн руб.	953	16,5	2361	24,5	3409	87,5
Рост к 1900 г. (в %)	100	100	148,8	145,4	358	530
Удельный вес в операциях отдельных банков		(в %)				
а) Государственный	27	46,7	25,6	29,1	20,2	15,6
б) Акционерные банки	49	25,3	51,0	38,8	54,8	50,5
в) Об-ва взаимного кредита	12	21,8	13,4	28,4	18,2	29,7
г) Городские банки	12	6,2	10,0	3,7	6,8	4,2

* Сведения за 1900 и 1908 гг. выведены по изданию Государственного банка «Данные по счетам и отделениям Государственного банка», где содержатся суммарные данные об активных и пассивных операциях всех вместе кредитных учреждений, действовавших в сфере каждого филиала Государственного банка. На основании этих сведений, пользуясь данными статистики обществ взаимного кредита, можно приблизительно выделить учетно-ссудные и вкладные операции акционерных банков, в том числе и по Белоруссии. Сведения для 1914 г. взяты из изданных Государственным банком в 1915 г. «Кратких балансов кредитных учреждений».

При подсчете данных по России исключены операции правлений банков, находившихся в Петербурге и Москве, так как характер их совершенно иной, чем у филиалов.

Сведения по всем отделениям всех русских банков взяты из статистических приложений к книге И. Ф. Гиндина «Русские коммерческие банки», М., 1948.

сталость. Однако данные свидетельствуют о том, что по выпуску промышленной продукции на душу населения Белоруссия отставала от среднего показателя по всей империи в 3,2 раза¹⁰. При этом сильнее, чем в целом по России, в Белоруссии были развиты отрасли, основанные на местном природном богатстве: лесопильная, фанерная, спичечная, бумажная, льно- и пенькоперерабатывающая. И размер предпринятия и выработка на одного рабочего в этих производствах были выше, чем в среднем по России.

О том, что Белоруссия не была колониальным придатком Российской империи, свидетельствует и развитие ее кредитной системы (см. таблицу № 1).

Судя по тому, что в начале XX в. удельный вес акционерных банков в кредитной системе Белоруссии был в 2 раза ниже, а Государственного банка и местных кредитных учреждений значительно выше, чем по сумме всех отделений, Белоруссия была действительно районом более слабого экономического развития. Но к 1914 г. удельный вес акционерных банков, среди которых теперь уже резко преобладали филиалы столичных банков (23 из 26), вырос в Белоруссии вдвое и достиг того же процента, что и по остальной России. В то же время удельный вес Государственного банка снизился в гораздо большей степени, чем по всей стране. Это объясняется отсутствием широкого кредитования хлебной торговли, занимавшей в операциях Государственного банка в других районах страны очень большое место. Соответственно выше была в Бе-

¹⁰ Подсчет произведен на основании данных, приведенных в книге «Экономика Белоруссии в период империализма (1900—1917 гг.)», Минск, 1964, стр. 11, 39, 353.

лоруссии и роль обществ взаимного кредита. Таким образом, по главному признаку, характеризующему степень развития кредитной системы, по роли в ней акционерных банков, Белоруссия к 1914 г. не отличалась от всей России, за исключением Петербурга и Москвы. Более того, если сопоставить кредитную систему трех белорусских губерний (Минской, Могилевской и Витебской) с кредитными учреждениями трех сопредельных губерний (Псковской, Смоленской и Черниговской) на 1 января 1914 г. по данным тех же источников, то получим следующие показатели:

ТАБЛИЦА 2

Виды банков	Учетно-ссудные операции (в %)	
	3 губернии Белоруссии	3 соседние губернии
Государственный банк	12	14
Акционерные банки	56	36
Общества взаимного кредита	27	28
Городские банки	5	22
Итого в млн руб.:	76,6	51,3

Таблица 2 показывает гораздо более высокую степень развития кредитной системы Белоруссии, где преобладали крупные акционерные банки, а в соседних губерниях — местные банки. Особенно же значительным был там удельный вес местных городских банков, которые потеряли по всей России свое значение еще в середине 80-х годов XIX столетия.

Очень ходким аргументом для доказательства полукOLONиального положения Белоруссии было для многих авторов утверждение, что отсюда русские банки выкачивали средства для снабжения ими других, промышленно развитых районов России¹¹. Однако вложения филиалов общероссийских банков в экономику Белоруссии намного превышали собираемые на текущих счетах и вкладах средства, что видно из таблицы 3.

Таблица 3 показывает, что Государственный банк по отделениям вкладывал в учетно-ссудные операции в пять раз больше средств, чем собирал на текущие счета и вклады, а по Белоруссии — в восемь раз. Столичные акционерные банки 76% своих учетно-ссудных операций по филиалам осуществляли за счет местных источников и 24% — за счет средств центра. Те же банки в Белоруссии только 58% операций производили за счет местных средств и 42% — за счет средств центра. Соответственно местные банки привлекали к себе на вклады и текущие счета значительно большую часть местных денежных капиталов (по всей России только 33%, а по Белоруссии — 43%).

Экономика Белоруссии была составной частью экономики России. С конца XVIII столетия, т. е. со времени воссоединения с Россией, Белоруссия стала развиваться в составе большого и сильного государства. Она заняла определенное место в общероссийском разделении труда. Этому способствовала довольно густая железнодорожная сеть. Главные стратегические железные дороги, пересекавшие Белоруссию, были построены в основном в 60—70-х годах.

Местные магистрали — Вильно — Лунинец (1885 г.), Барановичи —

¹¹ Один из экономистов Белоруссии писал: «Государственный банк в Литве и Белоруссии не только ничего не давал, но, наоборот, выкачивал еще отсюда средства для „метрополии“, сужая таким образом базу накопления в крае» (И. Чернявский. Промышленный капитализм и образование еврейского пролетариата. Журн. «История пролетариата», 1931, № 7, стр. 190).

Удельный вес Белоруссии в операциях банков по провинции (без Петербурга и Москвы) на 1 января 1914 г. (в млн. руб.) *

	Государственный банк		Акционерные столичные банки		Акционерные банки Польши и Прибалтики		Итого акционерные банки		Местные банки		Всего	
	Все	Белоруссия	Все	Белоруссия	Все	Белоруссия	Все	Белоруссия	Все	Белоруссия	Все	Белоруссия
Число кредитных учреждений	135	5	629	21	58	375 **	650	24/26 **	1386	67	2208	98/96 **
Учетно - ссудн. опер.	689	13,7	1464	34,6	404	9,6	1868	44,2	850	29,6	3409	87,5
Капиталы	—	—	—	—	149	—	149	—	484	3,8	333	3,8
Вклады и тек. счета	110	1,6	1098	19,8	270	6,5	1368	26,3	639	21,7	2116	49,6
Итого:	110	1,6	1098	19,8	419	6,5	1517	26,3	823	25,5	2449	53,4
Разница:	579	12,1	366	14,8	—15	3,1	351	17,9	27	4,1	960	34,1

* Сведения для таблицы по России взяты из статистических приложений к указ. книге И. Ф. Гиндина.
 ** Включены и правления 2-х местных банков.

Белосток (1886 г.) — соединили основные торговые районы Белоруссии с транзитными магистралями. То же нужно сказать и о полесских железных дорогах (1887 г.), давших доступ к обширным глухим просторам Полесья.

В начале XX в. проведены дороги Бологоево — Полоцк — Молодечно — Седлецк и Витебск — Жлобин.

Расположенная между основными промышленными центрами страны, прорезанная густой сетью транзитных водных и железнодорожных путей, Белоруссия была тесно связана с промышленными районами России, Украины, Польши, с портами Балтийского моря. Учитывая такое географическое положение Белоруссии, вряд ли можно считать правильным бытующее до сих пор определение Белоруссии как экономической окраины Российской империи.

Постройкой железных дорог царское правительство вовсе не стремилось помочь экономическому развитию этого края. Тем не менее Белоруссия благодаря железным дорогам связывалась с внутренним и международным рынками.

Кроме того, общеизвестно, что железные дороги возбуждают и оживляют промышленную деятельность прорезываемых районов в тех случаях, когда район располагает природными богатствами, привлекает к ним рабочие руки.

По своему юридическому положению белорусские губернии ничем не отличались от соседних русских: Смоленской, Псковской и др. Исследование царского законодательства, а также архивных источников не позволяет делать выводы о том, что царское правительство предпринимало меры, специально направленные на торможение хозяйственного развития Северо-Западного края. В. И. Ленин, исследуя развитие внутреннего рынка России, не видел существенных отличий в положении белорусских и великорусских губерний и с одинаковым критерием подходил к ним при определении уровня развития капитализма.

Об этом же свидетельствует большое количество архивных документов, содержащих разрешение белорусским промышленникам на беспошлинный ввоз из-за границы дефицитного сырья¹².

Усматривать основную причину хозяйственного отставания Белоруссии от центральных промышленных районов России в особой экономической политике царского правительства неверно потому, что «никакой политической мерой нельзя запретить экономики»¹³.

Убедительным подтверждением этому является экономическое положение областей Польши, которые действительно терпели репрессии со стороны царского правительства и тем не менее были одними из промышленно развитых в Российской империи.

Разумеется, национальные притеснения поляков, в большом количестве проживавших на территории нынешней Белоруссии, самих белорусов и, наконец, проходившая и по белорусским губерниям «черта оседлости» были препонами для экономического развития. Однако препятствия эти создавались не непосредственно экономической политикой царского правительства, как стремится нас убедить белорусская литература Польши, а всей совокупностью режима тюрьмы народов.

* * *

Немаловажное значение для правильного понимания положения Белоруссии в системе Российской империи в эпоху империализма имеет выяснение роли иностранного капитала в ее экономике. В опубликованных работах эта роль преувеличивается. Встречаются даже утверждения, что все отрасли хозяйства Белоруссии были подчинены безраздельному господству иностранного финансового капитала.

Какой же в действительности была степень проникновения иностранного капитала в хозяйство Белоруссии и какой здесь была его роль? В очерках «Экономика Белоруссии в эпоху империализма», новейшей работе белорусских экономистов, авторы насчитали только 19 иностранных предприятий, на которых в 1913 г. производилось 6,7% промышленной продукции Белоруссии¹⁴. В это число попали и предприятия, принадлежавшие лицам «иностранного происхождения», что вовсе не свидетельствует об их принадлежности к монополистическому капиталу заграницы, и такие очень мелкие предприятия, как судостроительный завод О'Бриенн де Лясси, шелкокрутильная фабрика «Ж. Боньфруа и К^о» и ряд других, которые по причине своей незначительности не могли интересовать иностранный капитал. Да книга и не содержит никаких на этот счет доказательств.

Единственной отраслью промышленности Белоруссии, где относительный объем промышленного производства заслуживал внимания, была льнопереработка. Однако сама отрасль была очень слабо развита: на ее долю в 1913 г. приходилось 4,6% общего объема промышленного производства¹⁵. Из 4419 рабочих отрасли 34,8% было занято на принадлежавшей Русско-Бельгийскому акционерному обществу фабрике «Двина» (стр. 66). Очевидно, и этот пример не может служить основанием для далеко идущих выводов о подчинении иностранному капиталу всей экономики Белоруссии.

Авторы ряда глав очерков говорят о проникновении в Белоруссию русских и иностранных монополий (см. «Промышленность», стр. 15, 23—24; «Экономические связи», стр. 227; «Внутренняя торговля»,

¹² Много такого рода документов содержит фонд 1 (канцелярии Гродненского губернатора) ЦГИА БССР в Гродно.

¹³ В. И. Ленин. ПСС, т. 30, стр. 99.

¹⁴ См. «Экономика Белоруссии в эпоху империализма (1900—1917 гг.)». Минск, 1963, стр. 14—15.

¹⁵ Там же, стр. 74.

стр. 249, 250, 251; «Кредит», стр. 322, 323). Правомерно ли характеризовать процесс вовлечения Северо-Западного района России в орбиту общегосударственного рынка как «проникновение» в Белоруссию русского капитала и далее ставить знак равенства между русским и иностранным капиталом в этой плоскости? При этом приводимые в книге сведения о господстве монополий России весьма противоречивы. В главе «Промышленность», например, утверждается, что «Продамет» подчинил себе белорусский рынок железа (стр. 23—24, 90), а в главе «Экономические связи» говорится о том, что 45% железа поступало в Белоруссию из Польши (стр. 236). Кроме того, известно, что металл и металлоизделия привозились в Белоруссию и из-за границы. Аналогичным было и положение с углем. В Белоруссии сталкивались интересы монополий России, Польши и заграницы, но очень острой конкуренции по отмеченным видам товаров здесь быть не могло. Рынок металла и угля в Белоруссии был небольшим: в 1913 г. он «поглотил» менее 0,45% металла, реализованного в этом году через «Продамет». Основным топливным материалом Белоруссии из-за неразвитости здесь металлообрабатывающего производства было местное сырье — древесина. Поэтому влияние общерусских монополий, даже с большой долей участия в них иностранного капитала, было очень относительным и уже во всяком случае не было господствующим.

Наиболее же серьезным каналом проникновения иностранного капитала в экономику Белоруссии принято считать те русские банки, в составе акционерного капитала которых значительным было участие иностранных капиталов. Если, например, по подсчетам П. В. Оля доля иностранных капиталов в акционерном капитале Русско-Азиатского банка достигала 79%, то отсюда делается вывод, что деятельность белорусских филиалов этого банка означала проникновение иностранного капитала в хозяйство Белоруссии.

В статье «Важнейшие проблемы исторической науки (к вопросу о характере экономики дореволюционной Белоруссии)»¹⁶ белорусские экономисты Г. Т. Ковалевский и З. З. Дудич писали: «Через банковскую систему иностранный капитал распространял свое воздействие на все части Российской империи. Известно, что Русско-Азиатский банк имел свои отделения в Минске, Витебске и Гомеле; Соединенному банку принадлежали отделения в Могилеве, Витебске и Бобруйске¹⁷, Азовско-Донской банк располагал отделениями в Минске, Могилеве и Пинске. Имел свои отделения в Белоруссии и Русско-Французский банк. Безусловно, что все отрасли хозяйства были в полной зависимости от крупнейших акул международного капитала» (подчеркнуто мной.— В. Т.).

Такое упрощенное понимание роли русских банков, как дочерних предприятий иностранных, порождено литературой 20-х годов. На самом деле, как показали последние коллективные исследования, «действительная картина взаимоотношений русских и иностранных капиталов была далеко не простой. Так, Русско-Азиатский банк, „профранцузский” по обычным представлениям, использовал техническую мощь австрийских и немецких фирм; „немецкий” Международный коммерческий банк действовал вместе с английской фирмой Виккерс и французским банком „Генеральное общество”, финансовые магнаты, стоявшие во главе русских коммерческих банков, являлись более самостоятельными в своих действиях, чем это представлялось ранее, не были простыми исполнителями воли иностранных банков и фирм»¹⁸.

¹⁶ Газета «Советская Белоруссия», 15 мая 1958 г.

¹⁷ Кроме названных, Соединенный банк имел еще отделения в Бресте, Гомеле, Орше и Полоцке.

¹⁸ «Об особенностях империализма в России», М., 1963, стр. 6.

В действительности в русской экономике имело место и преобладание иностранного капитала в отдельных отраслях и районах, и борьба между отдельными группами русского и иностранного капитала, а нередко — их взаимодействие. Но все это относится к основным центрам тяжелой промышленности и к финансовому центру страны Петербургу, где находились не только правления главных банков-монополистов, но и правления важнейших предприятий тяжелой промышленности и транспорта. Опираясь значительными привлеченными средствами (вклады и текущие счета), во много раз превышающими их собственные капиталы, крупные банки не могут на длительное время вкладывать все свои средства в промышленные предприятия. Более половины своих ресурсов они должны использовать краткосрочно в кредитовании торговли, заготовок и сбыта промышленной продукции. Именно такой характер носят вексельно-под товарные кредиты периферийных филиалов банков, особенно в районах, где мало развита или совсем не развита тяжелая промышленность. И это полностью относится к 23 филиалам петербургских и московских банков в Белоруссии.

Несмотря на то, что столичные акционерные банки занимали довольно большое место в системе кредитных учреждений Белоруссии (на их долю приходилось почти 40% учетно-ссудных операций), роль их в экономике Белоруссии была несколько иной, чем в промышленных районах России, где шел процесс интенсивного внедрения банков в промышленность. Не меняло положения и то, что большинство отделений акционерных банков в Белоруссии принадлежало петербургским банкам, т. е. наиболее типичным для эпохи империализма банкам России. Основным направлением деятельности всех отделений акционерных банков в Белоруссии было посредничество в кредите.

Белоруссия до Октябрьской революции не имела развитых отраслей тяжелой промышленности. Следовательно, сам характер хозяйства Белоруссии не позволял акционерным банкам развивать свои операции по финансированию. Даже среди 170 предприятий крупнейшего в стране Русско-Азиатского банка не было ни одного промышленного предприятия в Белоруссии. Среди этих 170 предприятий, если и встречаются расположенные на периферии, то с правлениями в центре¹⁹.

Филиалы столичных акционерных банков в Белоруссии занимались простым банковским кредитованием, имевшим целью обеспечить своим учреждениям достаточную устойчивость, собрать как можно больше пассивов, которые, однако, как мы видели, не превышали объема активов, и размещать среди капиталистов и зажиточной части населения ценные бумаги. По одним этим причинам, не говоря уже о сказанных выше, филиалы столичных акционерных банков в Белоруссии не могли быть проводниками политики иностранного финансового капитала, являвшегося держателем части акций русских акционерных банков, и тем более не могли способствовать подчинению всех отраслей народного хозяйства Белоруссии, как это принято считать в литературе республики.

Иностранный капитал проникал в Белоруссию непосредственно. Сюда его привлекали главным образом лесо- и льноторговля. Основным потребителем белорусского леса была Германия. Монополизации Германией торговли лесом, шедшим из Северо-Западного края на международный рынок, кроме географических факторов (соседство, направление сплавных и железнодорожных путей), способствовала общая экономическая слабость России. Покупая дешевый лес в России и перерабатывая его в Германии, немецкие капиталисты наживали громадные барыши. Немецкие фирмы, экспортировавшие лес

¹⁹ И. Ф. Гиндин и Л. Е. Шепелев. Банковские монополии в России. «Исторические записки», т. 66.

из Белоруссии — «Воцф Герман» (фирма находилась в Берлине), «Д. Франк и сыновья», «Лесной экспорт» (в Данциге), «С. Д. Яффе» общество «Гоплер» и акционерное общество «Рютгерскверн» — в 1910 г. даже образовали на основе этой торговли синдикат с основным капиталом в 10 млн руб.²⁰ Немецкие фирмы занимались посредничеством в экспорте лесоматериалов в Англию через западную границу России на ежегодную сумму 10—12 млн руб. В 1908 г. эти фирмы заработали на посредничестве около 1,5 млн руб. В другие годы прибыль доходила до 4 млн. руб. в год²¹. Аналогичное положение было и в районе Немана.

Крупные лесопромышленники Австро-Венгрии на почве операций с белорусским лесом в 1910 г. тоже образовали синдикат, целью которого была продажа леса по заранее заключенным договорам²².

Такие условия внешней торговли лесом не способствовали развитию деревообрабатывающей промышленности Белоруссии. Но, несмотря на всяческие препятствия со стороны немецких лесоторговцев, лесопромышленность Белоруссии развивалась неуклонно, отражая на себе все колебания, подъемы и спады мировой экономики. Развивалось спичечное производство, объем которого с 1900 г. по 1913 г. в Белоруссии вырос более чем на 33%, а по всей России — на 13,96%²³. Что касается деревообрабатывающей промышленности вообще, то во многих районах Белоруссии она занимала ведущее место и с 1900 г. по 1913 г., интенсивно развиваясь, дала увеличение производства почти в 4 раза²⁴.

Рост лесобрабатывающего производства в Белоруссии происходил в жестокой конкурентной борьбе с немецкими лесопромышленниками. Белорусские лесопромышленники, стремясь улучшить свои позиции на международном рынке, были поставлены перед необходимостью объединения. Этому объединению способствовало еще и то, что внутри Германии немецкие лесопромышленники создали торговые организации — союзы лесного дела, в частности Восточногерманский союз лесопромышленников, которые выступали как единая организация.

В 1907 г. в Белоруссии был создан Союз лесопромышленников Северо-Западного края²⁵. В отличие от образованного в 1903 г. Архангельского союза лесопромышленников, в котором участвовали и иностранные экспортеры, этот союз был создан только местными лесопромышленниками для отстаивания своих интересов в конкурентной борьбе с немецкими лесоторговцами.

Не менее сложно обстояло дело и в торговле льном. Россия была мировым поставщиком льна, все более вытеснявшим старые льноводческие страны с мирового рынка. С начала XX в. из России за границу вывозилось более 14 млн пуд. льна ежегодно. Из 3 млн веретен Западной Европы 75% пряли русский лен²⁶. Поэтому, естественно, заграничные льнофабриканты и льноторговцы были заинтересованы в налаживании выгодных торговых связей с Россией, старались всячески подчинить льноторговлю своим интересам. Белоруссия и в этом отношении не представляла собой исключения.

Белорусский лен шел главным образом в Германию, Бельгию, Голландию и даже в Америку. Витебская губерния, занимавшая пятое место по посевной площади среди всех льноводных губерний России, производила 1300 тыс. пуд. волокна, из них только 250 тыс. пуд. оста-

²⁰ «Экспортная лесная торговля в Привислянских губерниях и ее нужды», СПб., 1913, стр. 23.

²¹ Журн. «Лесопромышленник», 1910, № 6, стр. 23.

²² Там же, № 25, стр. 11.

²³ «Известия главного спичечного синдиката», 1918, № 1, стр. 5.

²⁴ «Экономика Белоруссии в эпоху империализма (1900—1917)», стр. 52.

²⁵ В. И. Денисов. Россия и Швеция на мировом рынке, СПб., 1913, стр. 43.

²⁶ ЦГИА СССР, ф. 405, д. 10, л. 30.

валось для внутреннего потребления, а остальное поступало на рынок. Почти такое же количество поступало на рынок льняного семени²⁷. Вся Белоруссия, по нашим подсчетам, давала накануне войны около 13% общероссийского сбора льна-волокна²⁸.

С развитием льноперерабатывающей промышленности в Западной Европе в льноторговлю России со второй половины XIX в. начинает проникать иностранный капитал. Северо-Западный район России как наиболее удобный для вывоза стал объектом этого проникновения в наибольших по сравнению с другими частями России масштабах.

Как всякая оптовая торговля, льноторговля для своего развития нуждалась в дешевом доступном кредите. Но русские банки не обеспечили его. Государственный банк, например, выдавал кредит только под большую партию льна, взимал за него 4,5% и открывал его лишь спустя семь дней после заявления. Естественно, что мелкие торговцы и крестьяне могли обращаться только к кредитным товариществам, которым Государственный банк предоставлял кредит из 6% годовых²⁹ для получения залоговых ссуд. Товарищества, разумеется, должны были брать еще более высокий процент. Еще сложнее обстояло дело с кредитом под лен у коммерческих банков.

В отличие от русских, иностранные банки предоставляли своим экспортным фирмам очень дешевый кредит, не превышавший 3% годовых. Заграничные фирмы закупали лен в России через своих агентов на местах, у мелких торговцев или даже непосредственно у крестьян, которым наличные деньги выплачивались сразу же по сдаче льна, а крупным торговцам — по представлении документов об отправке товара³⁰. При таких обстоятельствах экспортная торговля льном в России не могла не перейти к фирмам, главные конторы которых находились за границей.

Иностранные льноторговые фирмы начали усиленно обзаводиться своими посредниками, а с крупными местными фирмами пытались договориться о покупке у них запасов льна, чтоб не давать им возможности вести дела с иностранными льноперерабатывающими предприятиями самостоятельно. Местные капиталисты понимали опасность создавшегося положения, но предпринять в то время что-нибудь решительное не могли. Филиалы русских банков в этом районе и местные банки пытались конкурировать с иностранными фирмами, но не всегда удачно: ссудный процент в России был несравненно выше, чем за границей.

Положение дел резко изменилось в результате кризиса 1900—1903 гг. Крупные экспортные фирмы Витебска (Макс, Швейцер, Шиферсон, Лютов, Боркан и др.) или разорились или утратили свои заграничные связи, так как разорились фирмы, с которыми они сотрудничали³¹. А проведение железной дороги Витебск—Жлобин в 1902 г. вообще лишило Витебск положения центра льноторговли, так как появилась возможность производить погрузку льна на каждой железнодорожной станции. Поэтому обороты Витебска по льноторговле резко сократились (с 6 млн руб. до 2,5 млн руб.), а инициатива в кредитовании льноторговли перешла к местным банкирским конторам, образовавшим свои льняные склады и проводившим залоговые операции, и к отделению петербургской фирмы «Гергард и Гей», выдавшему ссуды под лен на 3—4 млн руб.³².

²⁷ Там же, д. 34, лл. 33—34.

²⁸ Подсчет произведен по данным ЦГИА СССР, ф. 405, оп. 1, д. 72, лл. 34—35.

²⁹ Там же, д. 15, л. 36.

³⁰ Там же, ф. 23, оп. 9, д. 626, л. 7.

³¹ ЦГИА БССР, ф. 1574/38, оп. 1, д. 369, л. 6. Записка податного инспектора Витебской губернии.

³² Там же, лл. 6—7.

Начало промышленного подъема вновь привлекло банки к льноторговле. Теперь уже положение русских банков было более прочным, чем в конце XIX в.: открытие в Витебске отделения Московского банка Рябушинских и учреждение Соединенным банком «Акционерного общества для торговли льном и экспорта льна» еще больше оттеснили иностранных торговцев. Активизировался и Государственный банк, который в льноводческих районах Белоруссии начал организовывать кооперативные объединения, артели с предоставлением им кредита³³.

В предвоенные годы и особенно в годы войны были созданы общероссийские учреждения и организации экономического характера, которые призваны были защищать интересы льноторговцев России на международном рынке. В частности, в 1912 г. было создано РАЛО (Русское акционерное льнопромышленное общество), в 1915 г. создается товарищество «Льняной экспорт», пайщиками которого от Белоруссии были: М. А. Гольдберг, Д. Нахимовский, М. М. Тубин, «Товарищество Понфик, Аренс и К^о», Ц. И. Рибуш³⁴.

Начавшаяся мировая война нарушила сложившиеся традиционные торговые связи. Воспользовавшись этим, военные союзники России, Англия и Франция, стали теснить русских экспортеров льна на международном рынке. Английское правительство даже заявило, что с внутренним льняным рынком России по его поручению будут вести дела четыре торговые английские фирмы. В ответ на это русские льноторговцы добились от своего правительства разрешения для РАЛО выступать на международном рынке единственной сбытовой организацией от России. Первую скрипку в РАЛО играл Московский банк Рябушинских.

Экономическое положение России делало возможным проникновение в страну иностранного капитала в одни отрасли в большей степени, в другие — в меньшей. В силу вышеизложенных причин лесопромышленность и льноторговля России тоже оказались объектом интересов иностранного капитала.

В связи с рассматриваемыми в статье вопросами интересно выяснить, какая из национальных групп иностранного финансового капитала преобладала в народном хозяйстве Белоруссии. Вся белорусская литература по этому вопросу утверждает, что основная роль в экономике Белоруссии принадлежала французскому и бельгийскому капиталам. Доказательством этому служит прежде всего то, что в Белоруссии действовали главным образом филиалы тех русских банков, в которых участвовал французский капитал. Французский капитал после заключения франко-русского договора в 1893 г. из-за сложившихся в его пользу политических условий оказался преобладающим в сравнении с другими странами в народном хозяйстве России. Проникновение французского капитала в русские банки не сопровождалось экспансией французских промышленных монополий. Да в Белоруссии и не было таких производств, которые бы интересовали вложенный в русские банки французский капитал. Указывают на два крупных акционерных общества в Белоруссии (Витебская «Двина» и «Витебский трамвай»), принадлежавших бельгийскому капиталу. К этому перечню можно было бы добавить «Русско-бельгийское общество для производства зеркального стекла», которое входило в зеркальный синдикат, возглавлявшийся Петербургским международным банком, и путем уплаты собственникам компенсации было законсервировано. В остальных же стекольных заводах не было иностранных капиталов. Наконец, из трех шелкокрутильных фабрик Гродненской губернии одна принадлежала товариществу «Ж. Боньфруа и К^о», но связь его с французским финансовым капиталом более чем сомнительна.

³³ ЦГИА СССР, ф. 405, оп. 1, д. 34, л. 62.

³⁴ Там же, ф. 32, оп. 1, д. 252, лл. 126, 127, 197.

Что касается Русско-французского банка, три отделения которого находились в Белоруссии, то связь его с французским финансовым капиталом ограничивалась только названием.

В то же время наиболее развитые отрасли экономики Белоруссии — лесопромышленность и льноторговля, испытывали определенное влияние немецкого капитала. Следовательно, если в России в конце 90-х — начале 900-х годов и особенно в предвоенные и предреволюционные годы среди иностранных капиталов стал преобладать французский и франко-бельгийский финансовый капитал, то в Белоруссии преобладал немецкий капитал, но проникал он сюда не как промышленный и не как банковский капитал: отраслей промышленности, которые бы его интересовали, здесь не было. Основным объектом интересов немецкого капитала в Белоруссии были лесо- и льноторговля. Непосредственно на объеме лесозаготовок эта заинтересованность вряд ли сказывалась. В деревообрабатывающей промышленности было небольшое число немецких предприятий, но это обстоятельство само по себе ничего не решало. В лесо- и льноторговле немецкий капитал использовал ее слабую организованность и, особенно, необеспеченность кредитами. Наживаясь на жестокой эксплуатации белорусского крестьянства, местный торговый капитал вынужден был значительную часть доходов отдавать своим немецким контрагентам.

Проникновение в льноторговлю Белоруссии Соединенного банка и Московского банка Рябушинских значительно ослабило позиции немецкого капитала. Аналогичное влияние на лесную торговлю предвоенных лет имело развитие операций в Белоруссии филиалов петербургских банков.

Встречающиеся в белорусской литературе утверждения, что иностранный финансовый капитал подчинял народное хозяйство через филиалы своих банков, находившихся в Белоруссии, не имеет под собой решительно никаких оснований, так как здесь не было ни одного филиала иностранных банков.

Следует остановиться еще на одном тезисе, укрепившемся в литературе. Утверждают, что все монополистические объединения в Белоруссии созданы или как филиалы иностранных монополий, или при непосредственном участии иностранного капитала³⁵. Исследование литературы и архивных источников не подтверждает этого положения. Для образования монополистических союзов и объединений имелись свои «белорусские» условия. Внешним толчком к образованию такого рода союзов были типичные для империализма затруднения в сбыте, связанные с кризисным положением хозяйства, со стремлением подавить революционное движение рабочих и т. д.³⁶

К числу общероссийских синдикатов, в состав которых входили крупные предприятия Белоруссии, следует отнести Общероссийское общество спичечной торговли (РОСТ). Но спичечный синдикат Северо-Западного края возник на 3 года раньше общероссийского, в 1905 г. Свою деятельность синдикат Северо-Западного края начал с того, что сократил на 10% производство на вошедших в его состав фабриках и соответственно поднял цены. Крупными штрафами наказал синдикат тех фабрикантов, которые нарушили условия сбыта продукции. В течение всего 1905 г. и части 1906 г. синдикат принимал активные меры к вовлечению спичечных фабрикантов других районов.

³⁵ В указанной статье Г. Т. Ковалевский и З. З. Дудич, например, писали: «На территории Белоруссии крупнейшие предприятия принадлежали непосредственно западногерманским капиталистам или подчинялись международным монополистическим объединениям, находившимся под господством английских, немецких, французских, бельгийских и американских капиталов».

³⁶ См. нашу статью «Да питання аб ролі ініціативнаго фінансавага капіталу ў народнай гаспадарцы Беларусі ў эпоху імперыялізму». «Весті Акадэміі навук БССР, сёрыя грамадскіх навук», 1963, № 1, стр. 72.

В 1910 г. был создан синдикат конвертных фабрикантов «Продокон», в который входили одесские, брестские и виленские фабриканты. Центром синдиката был избран Минск, синдикат повысил на 25% цены на конверты по всем районам, где расположены конвертные фабрики участников синдиката. Наоборот, в тех районах, где находились фабрики, не вошедшие в «Продокон», синдикат понизил цены³⁷.

К концу 1911 г., когда правительство «забыло» об антисиндикатском законе, в Минске собрался съезд владельцев конвертных фабрик, на котором вновь было решено учредить синдикат с главной конторой в Минске³⁸.

Конкурентная борьба привела к объединению в 1907 г., как уже говорилось выше, лесопромышленников Белоруссии в Союз лесопромышленников Северо-Западного края. В области льноторговли общероссийские мероприятия и организации льноводов и льноторговцев, ставившие задачу сдерживать натиск иностранного капитала, имели активными участниками и льноторговцев Белоруссии.

В начале XX в. в народном хозяйстве Белоруссии, как мы видим, обнаруживается стремление к образованию монополистических союзов, которые развивались на местной почве и при участии местных капиталов. Поэтому для такого рода категорических заявлений, что «в Белоруссии имели место не отдельные элементы монополистического капитализма или империализма, а все его основные черты, но представлялся он главным образом русским и иностранным капиталом»³⁹, никаких оснований нет.

Являясь частью Европейской России со среднеразвитым уровнем капиталистического развития, Белоруссия не была в экономическом отношении ни колонией, ни полуколонией. Срединное же географическое положение Белоруссии между промышленно развитыми районами Российского государства не дает возможности называть ее экономической окраиной.

Экономика Белоруссии в начале XX в. вступила в тот этап развития, когда свободная конкуренция стала сменяться господством монополии, начали появляться монополистические союзы. Однако свойственного периоду империализма срачивания крупных банков с промышленными предприятиями в экономике Белоруссии не наблюдалось. Филиалы столичных банков в этом районе не занимались финансированием промышленности, и даже случаи представления промышленных кредитов были крайне редкими. Основная масса активных операций банков в Белоруссии состояла в учете векселей и выдаче ссуд.

Иностранный монополистический капитал использовал в лесо- и льноторговле сложившиеся еще в домонополистический период формы эксплуатации и в конечном счете наживался на эксплуатации белорусского крестьянства.

³⁷ Подробнее см. В. В. Тимошенко. Указ. статья, стр. 72—73.

³⁸ Газ. «Бобруйские отклики», 10 декабря 1911 г.

³⁹ Г. Т. Ковалевский и З. З. Дудич. Указ. статья.